

Б. Н. Флоря

Борьба киевского духовенства за права православных в Речи Посполитой в первые годы после заключения Андрусовского мирного договора

В первые годы после заключения Андрусовского мирного договора в начале 1667 г. вопрос о положении православных в Речи Посполитой приобрел для православного духовенства Киева особенно важное значение. Связано это было с тем, что согласно 7-й статьи договора 15 апреля 1669 г. Киев с округой должен был перейти под власть Речи Посполитой, и не предвиделось каких-либо обстоятельств, которые могли бы этому помешать¹. Наблюдая за положением на землях, отошедших по Андрусовскому договору к Речи Посполитой, киевское духовенство стремилось выяснить, что его может ожидать после возвращения Киева в состав Польско-Литовского государства.

С формальной точки зрения все было в порядке. В 3-й статье договора предусматривалось, что «всякого чину русским людям» на землях, отошедших к Речи Посполитой, «волное имеет быть опотребление веры греческой без всякого в отпировании службы Божией затруднения»². Практика, однако, давала основания для опасений. Пожалуй, наиболее ярко отражает реакцию на происходящее приведенный в письме черниговского архиепископа Лазаря (Барановича) отзыв только что вернувшегося «из Литвы» Иоанникия Галатовского: «Разве... на Страшном суде страшнее будет»³. Более сдержанно, но гораздо более конкретно сложившееся положение описано в возникшем в кругу киевского духовенства в 1669 г. сочинении «Перестрога». Здесь указывалось, что в 1669 г. в городах восточной Белоруссии (Полоцке и Витебске), уступленных по Андрусовскому договору, а также в Могилеве, Белзе, Замостье у православных церкви отобраны и переданы униатам, «а православных мещан з мест выгнано, а инших помучено, же зо всех маетностей

© Б. Н. Флоря, 2014

¹ Полное собрание законов Российской империи. Т. 1. СПб., 1830. С. 660.

² Там же. № 398. С. 659.

³ Письма Преосвященного Лазаря Барановича. Чернигов, 1856. № 43. С. 51.

злуплено, а иных на горло осужено»⁴. Все это означало, что с переходом Киева под власть Речи Посполитой православное духовенство не могло ожидать для себя ничего хорошего. Такое положение побуждало киевское духовенство добиваться решения двух важных задач: добиваться, чтобы Киев остался под русской властью; если бы по каким-то причинам это оказалось невозможно, следовало добиваться заключения нового русско-польского договора, в котором были бы сформулированы гарантии, оградившие православных в Речи Посполитой (в том числе и в Киеве) от преследований со стороны властей и католиков.

Ряд важных материалов, говорящих о том, как киевское духовенство добивалось решения этих задач, был введен в научный оборот в «Актах, относящихся к истории Южной и Западной России» (т. 8, 9). Круг этих материалов заметно расширил В. Эйнгорн в монографии, посвященной исследованию отношений православного духовенства Левобережья и русской власти в годы правления Алексея Михайловича⁵. Однако следует учитывать, что вопрос о положении православных в Речи Посполитой не находился в центре внимания исследователя и предложения на этот счет, исходившие из Киева, им обстоятельно не анализировались. К этому следует добавить, что исследователю остались неизвестны связанные с этой проблематикой важные тексты, вошедшие в состав сборника 70-х гг. XVII в., который составлялся для киевского полковника В. Дворецкого. Все это оправдывает новое обращение к данной теме.

В 1668 г., когда на Левобережье разразилось казацкое восстание против русской власти, киевское духовенство не могло приступить к решению сформулированных выше задач. Подходящая ситуация сложилась лишь к началу 1669 г., когда стал обсуждаться вопрос о возвращении левобережного казачества под русскую власть и о заключении нового соглашения между Россией и левобережным гетманством.

Предложения по решению первой из поставленных задач нашли отражение в 11-й статье наказа, составленного для послов левобережного гетманства, и поданного русским представителям в Москве в январе 1669 г.⁶ И духовенство, и Войско Запорожское настоятельно просили не отдавать Киев. В этом вопросе левобережное казачество и православное духовенство действовали совместно. При этом царя ставили в известность, что «уже на нынешнем сейме постановлено», что все православные церкви будут обращены в костелы, а мощи святых «в Польшу розно розвожены». Ничего подобного ни постановления сейма 1667 г., ни постановления конвокационного сейма

⁴ Мицик Ю. А. Перший український історико-політичний трактат // Український історичний журнал, 1991. № 5. С. 138.

⁵ Эйнгорн В. Очерки из истории Малороссии в XVII в. Т. 1 (О сношениях малороссийского духовенства с московским правительством в царствование Алексея Михайловича), М., 1899.

⁶ Акты, относящиеся к истории южной и западной России (далее — АЮЗР). Т. 8, СПб., 1875. № 9. С. 23.

1668 г. не содержали⁷. Речь могла идти лишь об имевших место во время работы сеймов разговорах и планах. То, что этим разговорам была придана в наказе такая форма, говорит о стремлении найти аргумент, который сильнее всего мог воздействовать на благочестивого царя.

Для решения второй из поставленных задач в делегацию вошел посланец Лазаря (Барановича) игумен Максаковского Троицкого монастыря Иеремия (Ширкевич). Иеремия вез с собой послание к царю. Обращаясь к Алексею Михайловичу, архиепископ писал: «Киев — отчина твоя, достояние твое, еще приидет во власть ляхов гонение будет велие на православие». Из Короны и Литвы уже пишут, «яко благочестно живущие гоними суть»⁸. О том, что «православие наше в Короне и в Литве так угнетено, что едва сносить может», он писал 7 января 1669 г. влиятельному при дворе Симеону Полоцкому⁹. Высказывания архиепископа должны были подкрепить и письма от православных из Речи Посполитой, присланные архимандриту Киево-Печерского монастыря Иннокентию (Гизелю). Переводы этих писем Иеремия вручил русским представителям 21 января. Царь приказал их «перевести» и обещал свой «указ» после ознакомления с ними¹⁰.

Первое из поданных писем имело косвенное отношение к теме: неизвестный корреспондент сообщал Иннокентию (Гизелю), что хлопоты по его делам в трибунале безуспешны¹¹. Другие письма носили иной характер. Дата (28 ноября 1668 г.) и место (Онуфриев монастырь) написания содержались лишь в одном из них¹², автор которого называет себя «ревнителем православия». В письме остро выражается сожаление, что при заключении Андрусовского договора царь православных в Речи Посполитой от «наветов многих противных заступати и на розговоре остеречи не изволил». Царя просили о защите, но их обращения, а также самих посланцев, «некоторые особы до его царского величества не допустили». В результате православные, в особенности в Полоцке и Витебске, «в последнее разорение и искоренение пущены без оберегания».

Письмо содержало и важное предложение — добиться «с новым королевским величеством на розговорах» заключения соглашения, по которому за православными церковными учреждениями сохранились бы их храмы и имущества, в том числе и те, что получены были от царя и «казацкого войска». Так как этого не было сделано, то теперь «о тех местах святых и строителей позывают, и грабят, и разоряют». Следует на будущих переговорах добиваться того, чтобы подобные судебные дела больше не возбуждались.

⁷ См.: Беднов В. А. Православная церковь в Польше и Литве (по Volumina Legum). Минск, 2002. С. 263–266.

⁸ Письма... № 51. С. 61.

⁹ Там же. № 55. С. 65.

¹⁰ РГАДА, ф. 229 (Малороссийский приказ), оп. 1, № 12, л. 126–127; оп. 2, кн. 3, л. 16 об.

¹¹ Там же, оп. 2, кн. 3, л. 16 об. и след.

¹² Его публикацию см.: АЮЗР. Т. 8. № 1. С. 1–2. Возможно, текст был написан в обители, тесно связанной с Львовским братством.

Нетрудно дать комментарий к ситуации, которая сложилась в Восточной Белоруссии вследствие заключения Андрусовского договора. После занятия этих территорий русскими войсками в 1654–1655 гг. католические священники могли совершать службы в домах смоленских и других шляхтичей-католиков, но храмы и монастыри, католические и униатские, были закрыты, а их земли передавались православным церковным учреждениям¹³. Такое положение дел было использовано после Андрусовского договора, чтобы не создавая каких-либо препятствий для православного богослужения, разорить православные церковные учреждения, лишить их имущества и с помощью судебных процессов подвергнуть наказанию самих духовных лиц. Автор этого обращения призывал принять меры, которые предотвратили бы подобные действия.

Наконец, советникам царя были переданы «Статьи народу Церкви православной Руской... зело нужные», которые следовало предложить польской стороне на будущих мирных переговорах¹⁴. Предлагались конкретные меры, которые положили бы конец таким судебным процессам. Прежде всего должно было быть признано право православных церковных учреждений на их имущество, а имущества «от унеятов и римлян забранные» должны быть возвращены «найдалей полугода». Устанавливалось, что не должны рассматриваться дела за 1647–1669 гг., иначе «жестокими винами русские убо монастыри и духовные ни во что же обратятца через езувитов и разных клеветников».

Для разбора возможных споров иного рода составитель «Статей» предлагал организовать в Киеве (очевидно, после его возвращения в Речь Посполиту) суд, в состав которого предполагалось ввести 3 человек, назначенных монархом, а также по 3 члена от киевской митрополии, Войска Запорожского и «из головнейших мест украинских». Судьи эти должны были назначаться на год, в крайнем случае, на 2. Если бы такой суд создать не удалось, составитель «Статей» предложил для рассмотрения дел, касавшихся «духовных и казацких особ русских», устроить суд в Короне, «в одном месце» — в Люблине, или во Львове, или в Слуцке, а в Великом княжестве Литовском — в Вильно.

Суд, очевидно, должен был формироваться аналогичным образом, а судьи при этом наделялись особыми полномочиями, их решения не могли пересматривать ни сейм, ни трибуналы. По сравнению с этим, главным, с точки зрения составителя «Статей», вопросом, другим сюжетам уделялось гораздо меньше внимания. Говорилось, чтобы разные тяготы накладывались на имения православной Церкви «без отягощения и знищения», чтобы православным была обеспечена свобода сношений с Константинопольским Патриархом «в делах их духовных».

Особенностью этих текстов является их полная анонимность, отсутствует даже какое-либо вступительное обращение к Гизелю, который прислал данные письма к Барановичу. Не исключено, что перед нами тексты, выработанные

¹³ Мальцев А. Н. Россия и Белоруссия в середине XVII века. М., 1974. С. 159–162.

¹⁴ АЮЗР. Т. 8. № 1. С. 3–6.

ные в кругу киевского духовенства при размышлении над приходившими из Речи Посполитой известиями.

Каким же было отношение к сделанным предложениям московских правящих кругов? Понятно, что в центре внимания оказался вопрос о судьбе Киева. 22 января думный дьяк Д. М. Башмаков записал первые предложения по этому вопросу: «о Кieve их (украинских послов.— *Б. Ф.*) обнадежить, что о нем, и о церквах, и о православной вере будут съезды и договоры и не так он скоро будет отдан, как Полоцк»¹⁵. Понятно, что такое решение казаков не удовлетворило, и тогда в одной из записей переговоров появился следующий текст: «А будет казаки станут упорно, чтоб ево королю не отдавать, последняя статья сказать: будет они казаки в подданстве у царского величества, будут крепки, и Киев по тому будет крепок же и не отдан»¹⁶.

Между интересами сторон не было противоречия: и казаки, и русские политики хотели, чтобы Киев остался в составе Русского государства. Различие состояло в том, что у русских политиков руки были связаны международными обязательствами, и им предстояло искать разного рода обоснования, чтобы не выполнять важное положение Андрусовского договора. Пока этого не произошло, русская сторона вынужденно ограничивалась неофициальными заявлениями, которые не удовлетворяли ни казаков, ни духовенство. Однако, по существу, позиции сторон оставались близкими.

Иной оказалась судьба предложений и сообщений, касавшихся положения православных в Речи Посполитой. Они явно не были приняты во внимание. Одна из причин состояла в том, что на переговорах в начале 1669 г. речь шла о соглашении между Москвой и левобережным казачеством, а переданные царю «листы» не имели к этому никакого отношения. В царской резолюции предписывалось «игумену и посланцам сказать, что в тех листах до Киева и до малороссийских городов о утеснении православные христианские веры причины никакой нет»¹⁷. Действительно, о «утеснении» православия на Левобережье в этих письмах не говорилось.

Имел значение и «анонимный» характер представленных писем. Не случайно после передачи «листов» Д. Башмакову поручалось выяснить «где Анофреевской монастырь и хто лист писал», «лист хто писал и х кому писал, и сколь давно»¹⁸, но получить от украинских посланцев ответы на данные вопросы не удалось. Это вызвало в Москве подозрения относительно происхождения текстов: здесь уже имелся ряд обращений правобережного гетмана П. Дорошенко с призывом защитить православных в Речи Посполитой, но к началу 1669 г. стало ясно, что гетман — вассал султана, а цель его обращений — испортить отношения между Россией и Речью Посполитой. Привезенные «листы» могли исходить от сторонников правобережного гетмана. Так позволяет думать читающееся в речи Г. Г. Ромодановского — главы русской

¹⁵ РГАДА, ф. 229, оп. 2, кн. 3, л. 57.

¹⁶ Там же, оп. 1, № 12, л. 167.

¹⁷ Там же, оп. 1, № 12, л. 279 об.

¹⁸ Там же, оп. 2, кн. 3, л. 57.

делегации на раде в Глухове, созванной для заключения договора между левобережным гетманством и Россией, рассуждение о том, что «тои стороны Днепра казаки и всяких чинов жители от царского величества отлучились и польскому королю поддались сами своею охотою прежде Андрусовских договоров»¹⁹. «Анонимность» привезенных в Москву «листов» позволяла понимать их и таким образом. Имело значение также то, что рисуя яркие образы гонений, «листы» не сообщали о них какой-либо конкретной информации. Как увидим далее, это не являлось какой-то случайностью, но отсутствие таких сведений не давало русским представителям конкретных оснований, чтобы поднять вопрос о гонениях на будущих мирных переговорах.

Особое внимание царя привлекли читавшиеся в «листах» утверждения, что в окружении царя есть люди, которые «не доносили» до царя просьбы с Украины²⁰. Посланцев специально спрашивали об этом и они ответили, что, по их сведениям, «листов до царского величества не доносил боярин Афонасей Лаврентьевич»²¹ Ордин-Нащокин — глава Малороссийского и Посольского приказов и автор Андрусовского договора. Если царь не стал обсуждать с украинскими посланцами предложения о защите православных в Речи Посполитой, это не значит, что предпринятая деятельность не имела никаких последствий. Как раз во время пребывания украинских посланцев в Москве 22 января 1669 г. состоялось заседание Боярской думы, на котором Ордин-Нащокин подвергся резкой критике. В частности, речь шла о том, что Андрусовский договор не обеспечил права православных в Речи Посполитой («о восточной церкви нерадение»)²².

Очевидно, в Московских правящих кругах все же пришли к заключению, что положение православных в Речи Посполитой неблагоприятно. Пассивность в этом вопросе не соответствовала ни русским государственным интересам, ни духовным установкам царя Алексея Михайловича и его советников. На заседании рады в Глухове 2 марта 1669 г. князь Г. Г. Ромодановский заявил, что по статье 3 Андрусовского договора «русским людям» в Польско-Литовском государстве «вольное имеет быть употребление вере греческой», но если в Речи Посполитой станут нарушать это установление, царь предложит своим послам на встрече с комиссарами «говорить и подкрепить», «чтоб вперед церквам Божиим утеснение не чинили»²³. Таким образом, участникам казацкой рады (в их числе и духовным лицам) было обещано, что вопрос о положении православных в Речи Посполитой может стать в будущем предметом переговоров.

Соглашение, заключенное в Глухове, удовлетворило левобережное казачество, и к нему постепенно стали присоединяться другие левобережные

¹⁹ РГАДА, ф. 229, оп. 2, кн. 3, л. 234 об.

²⁰ См. в пометах Д. Башмакова: «спросить посланцев, хто листов до его царского величества не доносил» (Там же, л. 57).

²¹ Там же, л. 60 об.

²² Флоря Б. Н. Внешнеполитическая программа А. Л. Ордина-Нащокина и попытки ее осуществления. М., 2013. С. 436–437.

²³ РГАДА, ф. 229, оп. 2, кн. 3, л. 233 об.

полки, но киевское духовенство осталось недовольно. Вопрос о гарантиях для православных в Речи Посполитой отодвигался, оставалась все же неясной и будущая судьба Киева. Надежды на заключение нового договора составители «листов» связывали с новым королем, который вступит на польский трон после отречения короля Яна Казимира. Завершение «бескоролья» стало сильным ударом по таким надеждам. Новый король — князь Михаил Вишневецкий — владел обширными владениями на Левобережье и утратил их по Андрусовскому договору. В Киеве его избрание было воспринято как символический жест, свидетельствующий о намерениях дворянства Речи Посполитой вернуть украинские земли, прежде всего Киев. Вскоре после избрания М. Вишневецкого стали периодически появляться и распространяться слухи о походе короля с войском к Киеву²⁴. Попытки польских властей весной 1669 г. добиться осуществления постановлений Андрусовского договора относительно Киева²⁵, вероятно, заставляли верить в реальность таких слухов.

В сложившихся условиях вопрос о гарантиях для православных в Речи Посполитой и о внесении таких гарантий в новый русско-польский договор продолжал оставаться для киевского духовенства в высокой степени актуальным, тем более что на раде в Глухове было официально обещано, что вопрос о положении православных в Речи Посполитой будет рассматриваться на будущих русско-польских переговорах. Важным итогом прошедшей в Киеве напряженной работы стал обширный текст под заголовком «Такими навітами православную віру и церкви, монастири малороссійские іскореняють от мнолих літ донині ляхи, а нижей на то способы суть описаны, якое тое обваровать треба». Этот текст, который далее будет обозначаться как «Наветы», сохранился в сборнике материалов начала 70-х гг. XVII в., составленном для бывшего киевского полковника В. Ф. Дворецкого, и был издан украинским исследователем Я. Д. Исаевичем²⁶. Как явствует из приведенного заголовка, текст содержал подробную характеристику тех методов, которые использовали власти и католическая Церковь для подавления православных в Речи Посполитой и предлагал меры для противодействия этим гонениям. Отсылки к данному тексту, как справедливо отметил Я. Д. Исаевич, имеются в помещенной в том же сборнике «Памяти», датированной 1670 г., тем самым определяется примерное время его написания. В основной части памятника рисуется яркая и многосторонняя картина гонений, которым подвергается православное население Речи Посполитой и прежде всего православное духовенство.

В стране постоянно порицается православная вера, в частности на проповедях и в школах, издаются многочисленные направленные против православных

²⁴ Слухи о намерениях нового короля вернуть Украину в состав Речи Посполитой появились уже летом 1669 г. (Там же, ф. 79 (сношения России с Польшей). 1668 г., № 8, л. 183).

²⁵ *Wójcik Z. Między traktatem Andruszowskim a wojną turecką: Stosunki polsko-rosyjskie 1667–1672.* Warszawa, 1968. S. 194–195.

²⁶ *Исаевич Я. Д. «Навіти» — неведома пам'тка української публіцистики XVII ст. // Науково-інформаційний бюлетень Архівного управління УРСР. 1964. № 6.*

книги и «пашквили» (ст. 1–3, 26). Одновременно православных не допускают в школы «учитися наук високих, яко то філософії и теології», создания православных школ не допускают, а те, что были «іскоренили яко в Острозі и у Вілні», запрещают издание «русских книг» (ст. 4, 22, 24). Говорилось в «Наветах» и о препятствиях отправлению православного богослужения: о запрещении процессий со святыми дарами к больным и умирающим, о запрете колокольного звона, о том, что во многих городах православное богослужение запрещено даже «в домах и господах», о том, что поощряются нападения студентов на людей, посещающих православные храмы (ст. 5, 9, 11). Православные священники и православные церковные учреждения страдают от постоев военных, поборов, «панщизны».

Как и авторы обращений, отправленных в Москву в конце 1660-х гг., составитель «Наветов» особое место уделял разорению церковных учреждений с помощью судебных преследований с требованием возместить ущерб, понесенный в годы войны, «за что теперь ляхи заплаты хотят вдесятеро». При этом в «Наветах» подчеркивалось, что юристам запрещено помогать православным в ведении судебных дел (ст. 15–16, 21, 23). В источнике приведены перечни епископских кафедр и монастырей, перешедших в руки католиков и униатов (ст. 17–19). Автор «Наветов» писал и о передаче церковных должностей тайным униатам и вообще недостойным людям без ведома епископов (ст. 14, 23).

Уже в 1-й части текста содержатся указания на меры, которые следует предпринять для противодействия такой практике, но в целом и развернутом виде соответствующая программа автора «Наветов» изложена в заключительной части документа. В 39-й статье «Наветов» отмечалось, что в Андрусовском договоре православным было «варовано... вольное заживане набоженства», но это не помешало гонениям на православных, поэтому следовало бы в новом договоре все «выразние обваровать против всех тых наветов». В «Наветах» излагался перечень мер (зафиксированных в новом русско-польском договоре), которые должны были улучшить положение православной Церкви и положить конец преследованиям. Предложенная программа предусматривала уравнивание в правах католических и православных священников, что означало бы освобождение последних от постоев, поборов и повинностей (ст. 34, 48).

Предусматривались меры по возвращению православной Церкви всех утраченных после 1632 г. храмов и монастырей вместе с их имуществом. Польская сторона должна была взять на себя обязательство вернуть это в течение 4 недель представителям Церкви и Войска Запорожского, которые будут присланы в каждый административный округ (ст. 45). Собственность православной Церкви должна быть закреплена за ней особой конституцией сейма (ст. 54).

Ряд мер был направлен на то, чтобы прекратить судебные преследования православных. Как и составители более ранних сообщений, автор «Наветов» требовал объявления амнистии — суд не должен рассматривать споры о церковном имуществе и его судьбе в «военные лета» (ст. 46). Вместе с тем, как и авторы более ранних обращений, автор «Наветов» выступал

с предложением изменить судебную систему Речи Посполитой. Для разрешения споров, касавшихся имущества православной Церкви, в каждом повете следовало создать особый суд, в котором бы «сполные особы руские и лядзкие духовные и свецкие равно заседали и вотовали», и от решения этих судов нельзя было обращаться в другие судебные инстанции (ст. 33, 47). Договор должен был также отменить все ограничения, налагавшиеся на деятельность православных в Речи Посполитой, разрешить им иметь школы, типографии и т. д. (ст. 45, 51, 53). Автор «Наветов» продумал и вопрос о гарантиях того, что принятые установления будут соблюдаться. Так, предусматривалось, что во время действия договора несколько сенаторов будут находиться в России в качестве заложников (ст. 43). Тем, кто не стал бы подчиняться решениям суда и не захотел бы вернуть отчужденное от православной Церкви имущество, грозил штраф 10 тыс. коп грошей и гражданская смерть (инфамия) (ст. 45). В «Наветах» последовательно утверждалось, что нарушение всех этих норм будет расцениваться, как «розерване пактов» — прекращение действия договора (ст. 45, 54).

Для решения вопроса о месте составления этого интересного, насыщенного разнообразным содержанием текста особый интерес представляет 41-я статья, где высказываются пожелания, что если добиться заключения договора, касающегося всей территории Речи Посполитой не удастся, следует добиться хотя бы такого соглашения, которое предоставит необходимые гарантии православному населению Киева и киевским монастырям. Помещение этого пожелания явно указывает на Киев как на место составления «Наветов». Данное замечание может подкрепить еще одно наблюдение. В статье 22 говорится о том, что в Киеве «езуіти юж бурили школы братьські, хотечи, абы ся православіе не ширило». Между тем иезуиты оставили Киев еще во время восстания Б. Хмельницкого. Столь долгая память о подобных происшествиях сохранялась именно в среде киевского духовенства.

Обращает на себя внимание то, что видное место в проектируемой системе отношений отводилось Киевскому митрополиту. Согласно задуманному проекту митрополит вместе с Войском Запорожским должен был назначать представителей, принимать и передавать православным церковным учреждениям утраченное ими имущество (ст. 45). Митрополит получал полномочия назначать и «русских» членов проектируемых поветовых судов (ст. 47). На территории Киевской митрополии в конце 60-х гг. XVII в. на митрополичий стол одновременно претендовали двое — Антоний Винницкий и Иосиф Тукальский. В 51-й статье «Наветов» указывалось, что «отец Винницкий, епископ Премыслский», должен вернуть находящееся у него имущество «кафедры митрополии Киевской». Очевидно, автор «Наветов» считал законным митрополитом Иосифа Тукальского. По-видимому, он, как и некоторые другие духовные лица в Киеве того времени, считал возможным возвращение Иосифа Тукальского в Киев по соглашению с русским правительством. Можно предположить, что «Наветы» были написаны до того, как в Киеве стали известны решения рады в Корсуні, когда при участии митрополита Иосифа был установлен османский протекторат над Правобережным гетманством.

«Наветы» — яркое свидетельство настроений и планов, возникавших в среде киевского духовенства, — не могли играть роль документа, который киевское духовенство могло бы направить русским правящим кругам в Москву. О том, что положение в Киеве оставалось сложным и сталкивались разные точки зрения, свидетельствует другой текст, сохранившийся в сборнике В. Ф. Дворецкого под заголовком «Память, якого от ляхов обворования на розговорах Комысиях потреба»²⁷. Автор этого текста с беспокойством писал о том, что «некоторые православные власти согласуют ляхом», что царь и казаки «не могут в державе королевской веры своею и Церкви боронити»²⁸. Автор доказывал обратное. Во-первых, при переходе «русских» земель под польскую власть новые правители «даровали и поприсягли вшелякие вольности рускому народови» и, таким образом, речь идет о восстановлении прав, которыми православные уже обладали. Во-вторых, он доказывал, что царь, как «правдивый князей русских потомок... и до русских земель все право мает и слушне может упоминатися кривды церковное в русских землях». Кроме того, «цари православные вере святой и церквам руку помощи подавати и од наветов боронити всегда должны»²⁹. «Память» содержала также ряд советов, как следует готовиться к будущим переговорам. По мнению автора текста, для ведения таких переговоров необходимо знать все те права, которыми традиционно обладала в Речи Посполитой православная Церковь («як там веру греческую обваровано»), и то «якими наветами ляхи православный народ российски, и веру, и церкви непрестанно и велми озлобляют и искореняют от семидесяти лет и донныне». Поэтому следует «особно списанные наветы от ляхов Руси задавано здавно и донныне, читать часто, и против каждого навету статью варовати»³⁰. Как представляется, здесь мы имеем дело со ссылкой на разобранный выше сочинение.

Как и автор «Наветов» и их предшественники, автор «Памяти» видел выход из создавшейся ситуации в создании суда, на котором людей, захватывающих православные церкви и монастыри и наносящих ущерб имуществу церковных учреждений, «великими винами на горле и маютности карано»³¹. Повторял он и предложения об амнистии³². Этих сюжетов он, впрочем, касался кратко, очевидно, потому, что о них подробно говорилось в «Наветах». Здесь также высказывалось пожелание, что если не удастся заключить общего договора, то хотя бы «обваровали в тех местах, которых еще ляхом не оддали»³³.

В «Памяти» отмечено, что «Синописис», изданный в 1632 г. Виленским братством и содержащий тексты пожалований православной Церкви в XV–XVII вв., был отослан А. С. Матвееву, который в апреле 1669 г. стал новым

²⁷ РНБ, Q XVII. 220, л. 54–58 об.

²⁸ Там же, л. 56 об.

²⁹ Там же, л. 56 об.— 57.

³⁰ Там же, л. 54 об.— 55.

³¹ Там же, л. 55 об.

³² Там же, л. 56.

³³ Там же, л. 57 об.

главой Малороссийского приказа³⁴. В тексте, как представляется, содержалась и рекомендация послать в Москву «Наветы», но неизвестно, была ли она выполнена. В «Памяти» упоминается набег татар на Полесье «сего року 1670 око(ло) свят Великодни»³⁵. К этому времени уже закончились очередные русско-польские переговоры, с которыми киевское духовенство связывало столько планов и надежд. Переговоры начались в октябре 1669 г. и завершились в марте 1670 г. Ход переговоров давал формальные возможности рассмотреть на них проблемы, волновавшие киевское духовенство, так как польская сторона подняла вопрос об ограничении богослужения для смоленских католиков³⁶, но представившимися возможностями глава русской делегации А. Л. Ордин-Нащокин не воспользовался. Однако это не значит, что он не уделял никакого внимания положению православных в Речи Посполитой и в Киеве. Уезжая на переговоры в марте 1669 г., он поднимал перед царем вопрос о составлении «статей», «как в Киеве благочестивым церквам без насилия католического быти»³⁷. У русского канцлера существовал, однако, свой план решения проблемы, который он излагал в ряде заметок, направлявшихся царю весной 1669 г.

Этот план Ордин-Нащокин излагал царю в докладе 4 мая 1669 г.³⁸ Он писал, что православное духовенство на Правобережье предпочитает «неволю турецкую», чтобы избежать «насилия на восточную Церковь» со стороны поляков, так как оно убеждено, что поляки «от насилия своего никогда не престанут». Вместе с тем это духовенство не хочет подчиняться Москве и желает оставаться в юрисдикции Константинопольского Патриарха, а из-за такой позиции духовенства «и мирские шатосные люди емлются быти в волях под турецким владением». Чтобы положить конец такому положению вещей, нужно разорвать церковную связь между Киевом и Константинополем. Тогда царь «непременно учнет церкви восточные и чесные монастыри хранить и защищать». Украинское духовенство должно понять, что «без обороны московской» будет продолжаться «от езуитов гонение злое». В новой записке, датированной 25 мая³⁹, Ордин-Нащокин обсуждал разные шаги, необходимые для достижения этой цели. Одним из них могло стать составление царской грамоты, адресованной православным жителям Украины, которая содержала бы обещание защитить их от гонений — их «цело и нерушимо соблюдати в вере».

Положительного ответа из Москвы на свои записки Ордин-Нащокин не получил, но все же летом—осенью 1669 г. попытался осуществить задуманный план. В дошедших до нас 2 сборниках бумаг из архива Ордина-Нащокина

³⁴ Там же, л. 54 об.

³⁵ Там же, л. 57 об.— 58.

³⁶ *Wójcik Z.* Op. cit. S. 190, 212–213.

³⁷ РГАДА, ф. 79. 1669 г., № 8, л. 13.

³⁸ АЮЗР. Т. 9. СПб., 1876. № 2. Стб. 7–14. Об атрибуции доклада А. Л. Ордину-Нащокину см.: *Эйнгорн В. О.* Оставка А. Л. Ордина-Нащокина и его отношение к малороссийскому вопросу // Журнал министерства народного просвещения. 1897. Ноябрь. С. 105–106.

³⁹ АЮЗР. Т. 9. № 2. Стб. 14–20.

сохранились копии его заметки от 25 мая⁴⁰ которой он придавал, по-видимому, особое значение. В ней доказывалось, что теперь, когда православные «в гонении пребывающе» ищут «заступников» «от воюющих благочестие», необходимо, чтобы «соборная восточная Церковь киевская... во осмотрении царской власти ключима была б». В записке также утверждалось, что Греческая Церковь, некогда являвшаяся центром христианского мира, свою историческую роль утратила и таким центром стала Москва. Теперь христиане будут черпать свою веру «з того светлого кладезя» «и приходить к злосмрадному источнику не учнут». В обоих списках текст записки сопровождался комментарием, что 24 августа письмо это было отправлено в Киев со старцем Варнавой из Мстиславля и там «объявлявано всем невозбранно». По-видимому, глава русской делегации, действуя таким образом, рассчитывал убедить украинское духовенство поддержать его предложения о переходе Киевской митрополии в состав Московского патриархата.

Одновременно на начавшихся в конце сентября 1669 г. переговорах он стремился убедить в правильности этой меры представителей Речи Посполитой. Уже в пространной записке, поданной комиссарам в самом начале переговоров, указывалось, что «духовные из Киева по прежним обычаем понуждаются до Константинополя... ис чего оной народ салтана турецкого неотступно держитца»⁴¹. В переданном комиссарам комментарии к этим «пунктам» отмечалось, что «в грех себе того украинские люди, поступая за духовными своими, не вменяют»⁴².

На встрече, состоявшейся 7 октября, А. Л. Ордин-Нащокин предложил созвать в Киев съезд и призвать сюда (или в Андрусово), «кого выберут с обеих сторон» Украины, где удалось бы разорвать церковные связи между Киевом и Константинополем и добиться «успокоения» Украины⁴³. Для этого должны были собраться «выборные», говорится в обращении русских послов к киевскому духовенству, — их приглашают «для истинные ведомости разсуждениям духовным, что в Украине великие замешенины и за оборону чюддия страны емлютца»⁴⁴ или, как более четко и ясно сформулировано в ответе: «кая вина есть здешней украиньскои брани и чего ради некоторые казаки к бурсурманскому царю приклоняютца»⁴⁵. Очевидно, русский канцлер полагал, что в результате выяснится главная причина «смут» — гонения со стороны католиков и униатов, и тогда можно будет заключить соглашение о защите прав православных, гарантом которого станет царь. Именно существованием такого плана следует объяснить то, что в списках нарушений Андрусовского договора, которые во время переговоров неоднократно предлагались польской стороне, ничего не говорилось о преследованиях православных.

⁴⁰ РГАДА, ф. 79, кн. 129, л. 320–323; РНБ, Собр. М. П. Погодина, № 1562, л. 59–62.

⁴¹ РГАДА, ф. 79, кн. 123, л. 225 об.; *Wójcik Z.* Op. cit. S. 200.

⁴² РГАДА, ф. 79, кн. 123, л. 235 об.

⁴³ Там же, л. 261 об., 262 об., 263 об., 267–267 об.; *Wójcik Z.* op. cit. S. 204.

⁴⁴ РГАДА, ф. 79, кн. 123, л. 297.

⁴⁵ Там же, л. 359.

Когда с течением времени стало понятно, что на предполагаемом съезде будет обсуждаться вопрос о «вере»⁴⁶, определилось враждебное отношение комиссаров к инициативе А. Л. Ордина-Нащокина. В ответе, отправленном главе Посольского приказа комиссарами 20 февраля, говорилось, что его предложения ведут не к «успокоению», а к «замешанию». Под предлогом «отведения» духовенства от Патриарха Константинопольского он хочет его привести «ко обороне его царского величества», на что они не могут согласиться. Его предложение, чтобы царю православных в Речи Посполитой «вольно было заступати их у его королевского величества и Речи Посполитой», «разрушает самое основание записанного покоя, когда во владение и строение чуждаго государства вступатися хотите»⁴⁷.

В итоге договор, заключенный в марте 1670 г., представлял собой общее подтверждение предшествующих соглашений 1667–1668 гг., а все спорные вопросы откладывались до будущих переговоров⁴⁸. Тем самым, никаких благоприятных перемен в положении православных в Речи Посполитой договор не принес. Более того, благодаря тактике, избранной А. Л. Ординым-Нащокиным, вопрос о положении православных в Речи Посполитой вообще не стал предметом обсуждения на переговорах (в отличие от положения смоленских католиков). Правда, Киев остался в составе Русского государства, но решение вопроса о его дальнейшей судьбе было отложено на неопределенное время.

Такие итоги не могли вызвать удовлетворения у киевского духовенства, а ставшие широко известными рассуждения канцлера о том, что именно православные духовные лица несут ответственность за «смуты» на Украине, поддерживая связь с Константинополем, вызывали в этой среде (как увидим далее) и раздражение, и возмущение. Неудивительно, что в начале 1671 г. православное духовенство Левобережья попыталось направить политику русских правящих кругов в нужном направлении. Для осуществления таких инициатив появились определенные шансы. Во время переговоров в Москве, по-видимому, обсуждался вопрос о положении православных в Речи Посполитой. Вероятно, в ноябре 1669 г. был составлен документ под заголовком «Статьи записаны в запас на вечный мир»⁴⁹. Это был проект условий «вечного мира», который при благоприятных обстоятельствах следовало предложить польской стороне. В договор предполагалось внести условия о ликвидации унии, о прекращении преследований православных и возвращении Церкви утраченных владений.

Письма, поступавшие в Москву из Киева в январе 1671 г., показывают, что вспышка активности киевского духовенства была вызвана новыми слухами о том, что король Михаил готовит поход на Киев. 27 января архимандрит

⁴⁶ Как писал А. Л. Ордин-Нащокин комиссарам 21 января 1670 г.: жители Украины «потребуют о вере суда в самом Киеве» (Там же, л. 419 об.).

⁴⁷ Там же, л. 427, 429 об.— 430; *Wójcik Z.* Op. cit. S. 228.

⁴⁸ *Wójcik Z.* Op. cit. S. 228–230.

⁴⁹ РГАДА, ф. 79. 1669 г., № 8, л. 420–429.

Киево-Печерского монастыря Иннокентий Гизель сообщал в Москву «вести», что король «с войсками литовскими и цесарскими вскоре сее весны или перед весною имеет прийти в Киев». Его будут сопровождать униатский митрополит и епископы, а в ходе оккупации Киева православные храмы превратятся в костелы⁵⁰. В таких условиях вопрос о заключении договора, который бы дал гарантии православным на территории Речи Посполитой, снова приобретал значение и важность.

Важный шаг предпринял фактический глава православной Церкви на Левобережье Черниговский архиепископ Лазарь (Баранович). Его посланец Я. Хапчинский сообщил в январе 1671 г. не только о планах похода на Киев, но и о том, что «на Белои ж Руси лютые насильства унеяты благочестивым церквам чинят, принуждая к унее». Униатский митрополит Г. Коленда хотел «заехать» православные храмы в Могилеве и Шклове, но «мещане не поддались и города от него запирали»⁵¹. В подтверждение правильности этих сведений посланец передал копию важного документа — послания одного из комиссаров на переговорах 1669/1670 гг. православного князя Марциана Огинского архимандриту Слуцкому Феодосию (Василевичу)⁵². Письмо начиналось с упоминания о знакомстве автора с универсалом Коленды, который прислал к нему архимандрит Феодосий. Прочтя его, автор отметил, что «такова гонения... и прошлых времен не имела Церковь Божия наша». Это свидетельство очевидца стало веским подтверждением сообщений Лазаря (Барановича). Однако Черниговский архиепископ не только поэтому отправил письмо Огинского в Москву.

Огинский (в то время православный) в своем письме выражал резкое недовольство действиями русских «великих» послов, которые на переговорах ничего не сделали, чтобы защитить интересы православных в Речи Посполитой: «от которых охранения надеяхомся господари много нас в противность оставили». Оценивая деятельность «господина Нащокина», он делал вывод, «что истинно болеши нам дела портят, нежели направляет» (от польского паргав — поправка, исправление). Рассуждения Ордина-Нащокина, что православные духовные лица «ходят под благословение к Патриарху Цареградскому и людей с собою в бусурманское охранение приводят», не могли привести к поставленной цели — подчинению Киевской митрополии Московскому патриарху: «Речи Посполитой на то позволить невозможно будет», а в результате — «обще измену на духовенство кладут». Этим очевидным, но косвенным порицанием действий Ордина-Нащокина Лазарь (Баранович) не ограничился. Он направил в Москву еще один документ, от которого, к сожалению, сохранился только заголовок, позволяющий в определенной мере судить о его содержании⁵³. «Особно на трех листах о действовании комиссии

⁵⁰ АЮЗР. Т. 9. № 86. Стб. 346–347. Аналогичные сообщения приходили и от черниговского полковника И. Лысенко (РГАДА, ф. 229, оп. 2, кн. 9, л. 537 об., 623).

⁵¹ РГАДА, ф. 229, оп. 2, кн. 9, л. 474–474 об.

⁵² Там же, л. 475–476 об.

⁵³ Там же, л. 478.

смоленской препосылаю вашей милости, что токмо о Киеве розговоры чинят, а о вере святой и Церкви никаких».

Прямой атаке деятельность А. Л. Ордина-Нащокина подверглась в письме, адресованном «стольнику и полковнику» А. С. Матвееву, написанном, когда автор еще не знал о пожаловании его в «думные дворяне» (в феврале 1671 г.)⁵⁴. Письмо начиналось с печальной констатации, что на прошедших переговорах интересы православных в Речи Посполитой «ни мало ни на одних разговорах послы его царского пресветлого величества, аще и честные и мудрые, не изволили оберегати и укрепити статьями». Более того, на этих переговорах «неправедно, без вины нашей и безо всякого сыску и свидетельства оглашали», что якобы православные духовные лица «будто казацким войском под бусурманами пребывати советовали и розрухи военные чинили, что и в уме нашем не было» — слова, которые показывают, какое сильное раздражение вызвали в среде киевского духовенства рассуждения Ордина-Нащокина. Автор обращается к Матвееву с просьбой о защите «на последних (т. е. на последующих. — Б. Ф.) разговорах» «сим домом Божиим... купно же и нам, чинном духовным киевским». Эти слова дают возможность рассматривать письмо как коллективное обращение киевского духовенства. О настроениях в этой среде в начале 1671 г. красноречиво свидетельствует помещенная в тексте просьба не сообщать «никому ни имяны, ни титулы наши», очевидно, чтобы не подвергнуться репрессиям в случае оккупации Киева польскими войсками.

В заключительной части письма Матвееву объясняли, в каком тяжелом положении окажутся храмы Киева, если они перейдут под польскую власть. Ведь тогда от них потребуют возмещения за «костелы, дворы маестности римских чинов в Киеве» и за епископский собор, разрушенный по приказу местоблюстителя митрополии Мефодия (Филимоновича). Однако письмо не ограничивалось этими жалобами. Матвееву направлялись «Статьи», по которым на последующих переговорах были бы защищены «церкви, и монастыри, и всякие здания и особы духовные и мирские, в Киеве и всюду будучие».

Программа соответствующих действий была подробно разработана в «Наветах» и использовалась при составлении этих «Статей». Из «Наветов» заимствована даже ссылка на пример «лютеран», которые «от ляхов свою веру и церкви оберегли и тишину имеют». Вместе с тем выявляются и отличия. В «Статьях» говорится о запрете возбуждать дела о том, что произошло «в сию войну», выдвигается требование вернуть православной Церкви утраченные земли «с воздаянием убытков»; об освобождении православных церковных учреждений от военных постоев и податей; об установлении высоких санкций для виновных — штраф в 10 тыс. коп грошей и инфамия. В «Наветах» же проектировалось, что все эти вопросы будут решаться в специально созданных судебных органах. Об этом в «Статьях» нет ни слова, они содержали лишь пожелание, чтобы «судили вскоре во всяких судех... без всякого

⁵⁴ АЮЗР. Т. 9. № 102. Правильную датировку документа установил В. О. Эйнгорн (*Эйнгорн В. О. Очерки... С. 774*).

продолжения и челобитья, за первым позвом». Вероятно, с течением времени в Киеве пришли к заключению, что власти Речи Посполитой на создание таких органов не согласятся. В этих условиях приобретала особое значение деятельность русских дипломатов, поэтому в «Статьях» подчеркивалась необходимость того, чтобы «послы царские дабы вечно того досматривали и упоминались при всяких посольствах и комиссиях» теперь и «впредь будущих».

О настроениях в среде православного духовенства на Левобережье в феврале 1671 г. свидетельствуют сообщения гонца И. Чертовского, ездившего в гетманство с информацией о новом браке царя. При встречах, состоявшихся 8–9 февраля, Лазарь (Баранович) жаловался, что он написал книгу «на униатов», но в типографии Киево-Печерского монастыря «такой книги печатать не смеют для того, что ведомо-де им чинитца ис Полши, что Киев отдан будет», а при встрече 19 февраля и Иннокентий (Гизель) говорил, что здесь ждут передачи Киева полякам: «А будет-де великий государь Киев королю уступить не позволит, и король-де с войском нынешнею весною будет под Киев»⁵⁵.

Постепенно настроения на Левобережье стали меняться. Киевское духовенство получило поддержку левобережного казачества, пришедшего к решению силой защищать Киев. О таком решении говорилось в грамоте гетмана Д. Многогрешного царю от 6 апреля 1671 г.⁵⁶ Грамота содержала просьбу всего казацкого войска не передавать Киев полякам. «Умирать готовы, пребываем,— говорилось в грамоте,— лутче нам зде пострадать, нежели великую укоризну от иноверных над православной верю нашею и над святыми церквами нашими... поносить».

Одновременно открылась перспектива для новых русско-польских переговоров. Гетман был поставлен в известность о намерении царя отправить «на будущий сейм» посольство во главе с А. Л. Ординым-Нащокиным. В этой связи царь предлагал гетману прислать представителей для участия в этом посольстве и «статьи» с изложением пожеланий жителей гетманства⁵⁷. Гетман сообщал, что на Пасху для выработки таких «статей» будет созван съезд старейшин⁵⁸. Позднее в царской грамоте от 2 мая царь уточнил, что переговоры Ордин-Нащокин и думный дьяк Д. М. Башмаков будут вести не на сейме, в Варшаве, а на съезде и снова повторялось предложение прислать соответствующие «статьи», «не замотчав»⁵⁹.

Такие «статьи» доставил в Москву 22 мая 1671 г. полтавский полковник Ф. Жученко⁶⁰. Поскольку «статьи» были полностью посвящены положению православных в Речи Посполитой, в них есть все основания видеть плод совместных усилий левобережного православного духовенства и казачества⁶¹. «Статьи» во многом повторяли текст «письма», отправленного А. С. Матвееву

⁵⁵ РГАДА, ф. 229, оп. 2, кн. 9, л. 552 об.— 553, 558.

⁵⁶ Там же, л. 821 об.— 822.

⁵⁷ См. об этом в ответной грамоте гетмана: Там же, л. 819–819 об.

⁵⁸ Там же, л. 822.

⁵⁹ Там же, л. 835–836 об.

⁶⁰ РГАДА, ф. 229, оп. 7, № 78, л. 4.

⁶¹ Текст «статей» см.: Там же, л. 8–18.

в начале 1671 г. От раннего текста «статьи» отличаются более резким тоном. Так, уже в начальной части документа указывалось, что православные «последние места святыя утеряти близки суть», так как «наша Русь о своей вере и о церквах не радеют, и от гонения от ляхов не охранили православия». Выдвинув уже знакомые по письму к Матвееву предложения, составители «статей» заключали: «И будет таких статей и оберегательств на комиссии у ляхов царского величества послы не вымогут, и православных духовных и веру, и церкви, монастыри и здания в Киеве, в Украине и везде все искоренят и разграбят ляхи», поэтому с ними следует вести борьбу непрерывно «по вся лета». В последнем разделе документа говорилось о Божием гневе и наказании, «аще обиду Божию и его святыя веры и церкви православные в небрежении оставят». Очевидно, поддержка казачества дала возможность киевскому духовенству взять более решительный тон в общении с московскими властями.

Есть основания полагать, что под воздействием этих обращений в Москве было принято решение поставить вопрос о преследованиях православных в Речи Посполитой на будущих русско-польских переговорах. В архиве Малороссийского приказа сохранился список документов, содержащих сведения «о гонении благочестивых церквей», относящихся к началу 1671 г. (среди них фигурировали и письма, присланные Лазарем (Барановичем))⁶². Очевидно, предполагалось, собрав из них сведения о гонениях, предъявить их комиссарам на съезде. Однако дьякам Малороссийского приказа пришлось убедиться, что эти свидетельства содержат яркие образы гонений, но сами сведения о них кратки и неопределенны. Поэтому в мае 1671 г. из Москвы были отправлены царские грамоты — главе церковной власти на Левобережье архиепископу Лазарю (Барановичу) и главе светской власти гетману Д. Многогрешному. Архиепископа настоятельно просили сообщить «в Полше и в Литве в которых городех и местех благочестивые церкви Божия на римския костелы, а иные на унею после Андрусовского и Посольского договоров обращены и от кого учинилось». Следовало собрать такие сведения у людей «духовного чину» и «подлинныя листы» прислать в Москву⁶³. Грамота аналогичного содержания была отправлена и гетману⁶⁴.

Ответ от гетмана пришел 7 июня 1671 г.⁶⁵ Он писал, что не может назвать духовных лиц, пострадавших от гонений, так как в этом случае они «конечно бы там были казнены смертию». Он просил, чтобы на переговорах не упоминались и «листы» архимандрита Иннокентия (Гизеля) о «гонении на веру православную», так как архимандрит опасается за судьбу имений Киево-Печерского монастыря в Речи Посполитой. Для такой сдержанности были, конечно, достаточно веские основания, но тем самым задача русских дипломатов на будущих переговорах сильно осложнялась.

⁶² Там же, оп. 5, д. 28.

⁶³ Грамота от 10 мая 1671 г. (Там же, оп. 2, кн. 13, л. 200–202).

⁶⁴ Там же, л. 202 об.— 203 об.

⁶⁵ Там же, кн. 9, л. 905–906 об.

В середине лета 1671 г. в Батурине было принято решение отправить для участия в русско-польских переговорах посольство во главе с киевским полковником К. Солониной. В грамоте, отправленной 15 июня 1671 г. А. Л. Ордину-Нащокину, гетман сообщал, что послы от гетманства едут на съезд говорить «о налогах украинских, которые от господ поляков как в Украине, так и во всей Малой Росии учинены суть»⁶⁶. В инструкции послам, датированной 13 июня 1671 г.⁶⁷ упоминались «кровавые слезы» православного духовенства «з польской и князства литовского стороны». Послы должны были добиваться прекращения гонений и заявить, что в противном случае казаки «за церкви святые и православную веру нашу готовисьмо ронати здоровья». В инструкции также говорилось о намерении казаков «боронити» город Киев, «поки горл наших станет».

Посольство К. Солонины прибыло в Москву 10 августа 1671 г.⁶⁸ На следующий день в Батурин было отправлено посольство с сообщением о принятых в Москве важных решениях. Встреча с гетманом посланца царя А. Т. Танеева состоялась 29 августа⁶⁹. Гетману был зачитан текст с сообщением, «для каких дел великие и полномочные послы посланы на съезд в Андрусове». Сам этот текст в деле отсутствует, но о некоторых его важных особенностях можно судить по реакции гетмана. Так, гетман говорил, что и он, и войско имели «опасение и страх велик» из-за судьбы Киева, выражал радость по поводу того, что царь принял решение о судьбе Киева — «никогда отдать не велит»⁷⁰. В ответной грамоте царю он выражал надежду, чтобы это решение было выполнено «и болши по сем меж народом никаких расколов и смятения не было и не возрастало»⁷¹. Так наступил конец драматическому периоду в истории Киева и судьбах киевского духовенства.

Наблюдения над международной ситуацией также говорили и гетману и духовным предстоятелям, что это решение будет выполнено. К лету 1671 г. стало ясно, что нападение польских войск Киеву не угрожает. Речь Посполита находилась под угрозой нападения войск султана и искала помощи в Москве. Этой международной ситуации касалось другое важное решение, которое сообщил гетману Танеев. Он дал ему знать, что царь «ратными людьми королевскому величеству против солтана турецкого и хана крымского и на Дорошенка помочи учинить не изволит»⁷². В Москве были обеспокоены слухами о начинавшейся в Речи Посполитой гражданской войне и о связях оппозиции во главе с великим гетманом коронным Яном Собеским с османами и Дорошенко⁷³. Отсюда — такое решение. Для темы данного исследова-

⁶⁶ РГАДА, ф. 229, оп. 2, кн. 9, л. 1014 об.— 1015.

⁶⁷ Текст издан: Письма... № 89. С. 136–138.

⁶⁸ РГАДА, ф. 229, оп. 2, кн. 9, л. 1004 об.

⁶⁹ Там же, оп. 3, № 19, л. 2 об.— 3.

⁷⁰ Там же, л. 3 об.— 5.

⁷¹ Там же, № 17, л. 31.

⁷² Там же, № 19, л. 6–6 об.

⁷³ См. об этом: *Флоря Б. Н.* «Измена» Яна Собеского и русско-польские отношения 1667–1673 гг. // *Świat pogranicza*. Warszawa, 2003.

ния важно, что данное решение наложило свой отпечаток на исход новых русско-польских переговоров, происходивших вопреки первоначальным ожиданиям, не в Андрусове, а в Москве в начале 1672 г. Вопрос о положении православных в Речи Посполитой на переговорах поднимался, но в особом контексте. Русская сторона предложила, чтобы поляки дали обязательство прекратить преследования православных и отказаться от захвата их церквей, а царь стал бы гарантом выполнения такого обязательства. Тогда Алексей Михайлович постарался бы убедить правобережное казачество отказаться от османской протекции⁷⁴. Предложение это комиссары Речи Посполитой не приняли. Они утверждали, что православные на Украине не подвергаются никаким преследованиям, а к выступлению против власти казаков привела «nie religia, ale swawola»⁷⁵. Поскольку Русское государство отказывалось и уступить Киев, и оказать Речи Посполитой военную помощь в ее конфликте с султаном, то русские представители на переговорах не обладали такими средствами воздействия, которые побудили бы комиссаров пойти на уступки. В результате новый договор, заключенный 30 марта 1672 г., включал в себя, как и более ранние соглашения, лишь общую декларацию, что католикам — бывшим подданным Речи Посполитой на территории России и «русским людям» — жителям Речи Посполитой обеспечивается свобода исповедания их религии и свободного отправления богослужения⁷⁶. Киевское духовенство могло больше не беспокоиться за свою судьбу, но за признание прав православных в Речи Посполитой предстояло бороться.

Рассмотренный материал дает очевидное объяснение того, почему киевское духовенство, поддерживая церковную связь с Константинополем, одновременно последовательно придерживалось пророссийской политической ориентации. Русская власть была самой надежной гарантией того, что киевское духовенство не станет подвергаться тем насилиям и притеснениям, которые падали на их единомышленников по другую сторону границы.

Аннотация. В статье рассматривается борьба киевского духовенства в 1669–1671 гг. за подготовку нового русско-польского договора, по которому православные в Речи Посполитой были бы защищены от преследований. Показано и отношение русских правящих кругов к этим инициативам. *Ключевые слова:* Россия, Речь Посполита, Украина, православие, уния, киевское духовенство, казачество.

Summary. In this article the fight of the Kievan ministry for preparation of a new Russian-Polish contract in 1669–1671 is considered. According to this contract orthodox christians in Rech Pospolita would be free from persecution. Also here the relation of Russian ruling circles to these initiatives is shown. *Keywords:* Russia, Rech Pospolita, Ukraine, Orthodoxy, union, the Kievan ministry, cossacks.

⁷⁴ Wójcik Z. Op. cit. S. 288.

⁷⁵ Ibid. S. 289.

⁷⁶ Ibid. S. 297–298.

Литература

- Акты, относящиеся к истории южной и западной России. Т. 8. СПб., 1875.
- Беднов В. А.* Православная церковь в Польше и Литве (по Volumina Legum). Минск, 2002.
- Мальцев А. Н.* Россия и Белоруссия в середине XVII века. М., 1974.
- Письма Преосвященного Лазаря Барановича. Чернигов, 1856.
- Полное собрание законов Российской империи. Т. 1. СПб., 1830.
- Флоря Б. Н.* Внешнеполитическая программа А. Л. Ордина-Нащокина и попытки ее осуществления. М., 2013.
- Флоря Б. Н.* «Измена» Яна Собеского и русско-польские отношения 1667–1673 гг. // Świat pogranicza. Warszawa, 2003.
- Эйнгорн В. О.* Отставка А. Л. Ордина-Нащокина и его отношение к малороссийскому вопросу // Журнал министерства народного просвещения. 1897. Ноябрь.
- Эйнгорн В.* Очерки из истории Малороссии в XVII в. Т. 1 (О сношениях малороссийского духовенства с московским правительством в царствование Алексея Михайловича), М., 1899.
- Исаевич Я. Д.* «Навіти» — неведома пам'тка української публіцистики XVII ст. // Науково-інформаційний юлетень Архівного управління УРСР. 1964. № 6.
- Мицик Ю. А.* Перший український історико-політичний трактат // Український історичний журнал. 1991. № 5.
- Wójcik Z.* Między traktatem Andruszowskim a wojną turecką: Stosunki polsko-rosyjskie 1667–1672. Warszawa, 1968.